

МОЯ ВОЙНА

**Андрей
Платонов**

Письма с фронта

**«Я видел
страшный
лик войны»**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

2023

УДК 327
ББК 66.4
П 37

Платонов А.П.

П 37 Письма с фронта. «Я видел страшный лик войны». – М.: Родина, 2023 – 240 с. – (Моя война).

ISBN 978-5-00180-194-8

Андрей Платонов, один из самых известных советских писателей, публицист и драматург, в начале войны ушел добровольцем на фронт. Вскоре его перевели служить в газету «Красная звезда», в качестве ее корреспондента он побывал под Ржевом, на Курской дуге, на Украине и в Белоруссии.

Постоянно видя «страшный лик войны», он не мог всего написать в своих статьях, поэтому отдушиной для него становились письма к жене и особенно записные книжки – здесь есть такие подробности фронтовой жизни, которые редко встретишь даже в самых правдивых произведениях о войне.

Помимо этого, в книгу вошли очерки и рассказы Андрея Платонова, показывающие героические и трагические эпизоды Великой Отечественной войны.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-00180-194-8

© Платонов А.П., правообладатели, 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	6
Письма военного времени	8
Из записных книжек (1941–1944)	35

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

Дерево Родины	47
Броня	55
Мать	69
Рассказ о мертвом старике	75
Одухотворенные люди	87
Оборона Семидворья	130
Бой в грозу	174
Иван Толокно — труженик войны	180
Иван Великий	192
Размышления офицера	200
Штурм лабиринта	212
Сержант Шадрин	232

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Назначение литературы времени Великой Отечественной войны — это быть вечной памятью о поколениях нашего народа, сберегших мир от фашизма и уничтоживших врагов человеческого рода.

Остающиеся жить обязаны вечной памятью по ушедшим из жизни героям, потому что живые сохранены подвигом тех, кто погиб. Но нельзя от следующих за нами поколений требовать столь много: человеческому сердцу свойственны не только совесть, долг и память, но также и забвение. Задачей искусства и является создание незабвенного из того, что преходяще, забвенно, что погибло или может погибнуть, но чему мы, живые, обязаны жизнью и спасением, — в такой же мере обязаны, как матери; искусство должно здесь, преодолев недостаток человеческого сердца, склонного к забвению, восстановить справедливость.

Я заметил, что истинное величие души и действия очень податливо на забвение. Мне рассказывали о младшем сержанте, который вместе с другим своим товарищем завалил трупом немца огневое сечение немецкого дзота, и никто толком не мог сообщить о человеческих свойствах этого редкого героя. Однако зная свойства нашего народа и армии, можно все-таки понять и написать об этом человеке, если иметь к нему сердечную заинтересованность. Здесь важна именно частная конкретность, потому что литература имеет дело с отдельным челове-

ком, с его личной судьбой, а не с потоками безымянных существ. Мы должны сберечь в памяти и в образе каждого человека в отдельности, тогда будут сохранены и все во множестве, и каждый будет прекрасен, необходим и полезен теперь и в будущем, продолжая через память действовать в живых и помогая их существованию.

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно. Жизнь на большой скорости означает, что формируется великое многообразие людей, причем складываются и такие характеры, которые не могли сложиться прежде и которые, возможно, никогда более не повторятся в качестве подобия в другом человеке. Служба литературы, как служба вечной славы и вечной памяти — всех мертвых и всех живых, увеличивается этим обстоятельством в своем значении и делается еще более незаменимой ничем.

Если бы наша литература исполнила эту свою службу, она бы, между прочим, оберегла многих людей, в том числе и тех, которым еще только надлежит жить, от соскальзывания их в подлость.

Андрей Платонов (из «Записных книжек»)

ПИСЬМА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

(от А.П. Платонова — М.А. Платоновой)

27 июля 1942 г.

Дорогая Муся!

Я только что вернулся — несколько дней не был в Москве, был на фронте. Я видел грозную и прекрасную картину боя современной войны. В небе гром наших эскадрилий, под ними гул и свист потоков артиллерийских снарядов, в стороне хриплое твяканье минометов. Я был так поражен зрелищем, что забыл испугаться, а потом уже привык и чувствовал себя хорошо. Наша авиация действует мощно и сокрушительно, она вздымает тучи земли над врагом, а артиллерия перепахивает все в прах.

Наши бойцы действуют изумительно. Велик, добр и отважен наш народ!

Представь себе — в земле укрыты тысячи людей, тысячи пар глаз глядят вперед, тысячи сердец бьются, вслушиваясь в канонаду огня, и поток чувства проходит в твоей груди, и ты сам не замечаешь, что вдруг слезы странного восторга и ярости текут по твоим щекам. Я привык к машинам, а в современной войне сплошь машины, и от этого я на войне чувствую себя как в огромной мастерской среди любимых машин. Ночью я видел пылающий в небе самолет врага. От скорости полета и ветра огонь распускался за ним, как космы у ведьмы. Сейчас я устал, деловое письмо напишу потом, а это так — впечатления.

Целую и обнимаю тебя. Твой Андрей.

27/VII.

10/VIII.

Дорогая Муся!

Ты спрашиваешь, чем я так занят. Я работаю много, и не перечислишь. Самая важная моя работа сейчас: я пишу повесть о пяти моряках-севастопольцах. Помнишь — о тех, которые, обвязав себя гранатами, бросились под танки врага. Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. Я пишу о них со всей энергией духа, какая только есть во мне. И это произведение, если оно удастся, самого меня хоть отдаленно приблизит к душам погибших героев. Мне кажется, что мне кое-что удастся, потому что мною руководит воодушевление их подвига, и я работаю, обливая иногда слезами рукопись, но это не слезы слабости. Вот чем я занят.

Целую тебя. Андрей.

[Приписка сбоку листа] У меня получается нечто вроде Реквиема в прозе.

Москва. 30/VIII.

Здравствуйте, милые мои Муся и Тотик!*

Спасибо вам за телеграммы — с поздравлением по случаю моего давнего дня рождения. Вчера мне исполнилось 43 года. Нечаянно удалось даже отпраздновать его. Пришли трое студентов Литинститута, которые не чают во мне души (я никак от них не отвяжусь); они принесли литр водки в подарок; пришел Петя Трошкин, брат Петр, Вера, Кожевников и Натан Абрамович.

В магазине я получил колбасу, — и мы немного выпили. Я сказал как бы маленькую речь, где вспомнил такой

* Сын А.П. Платонова — П.А. Платонов.

факт из фронтовой действительности: один наш командир поднимал своих бойцов в атаку, был сильный огонь противника, у командира оторвало миной левую руку; тогда он взял свою оторванную руку в правую, поднял свою окровавленную руку над своей головой, как меч и как знамя, воскликнул: «Вперед!» — и бойцы яростно пошли за ним в атаку. И первый мой тост был за здоровье, за победу великого русского солдата.

Этот факт — с рукой — я описал в рассказе «Реквием» (памяти пяти моряков-севастопольцев)...

Я уже писал вам, что был на зап[адном] фронте.

В десятых числах сентября я, видимо, поеду на воронежское направление, как военный корреспондент, и уже надену шинель. Посмотрю, что стало с моей родиной. Схожу на могилы, поплачу надо всеми мертвыми.

Я видел на фронте храбрейших людей, которые, однако, не могли ни слушать музыку, ни видеть цветы, — плакали. Вообще, Муся и Тотик, повидать пришлось многое даже за краткое время. Увижу и переживу еще больше. Пишите мне, дорогие мои.

Целую и обнимаю вас. Ваш Андрей.

5/IX-42.

Дорогие Муся и Тоша!

Сегодня в «Красной звезде», общей газете Красной Армии, напечатан (в сильно сокращенном виде) мой рассказ «Броня», прочтите его. Он завтра будет передан и по радио. Как бы я хотел повидать вас. Делаю все возможное, чтобы вызвать вас домой. Но сейчас — новые строгие правила. Надеюсь, что все же это удастся. Вы не волнуйтесь, живите терпеливо и спокойно. Я забочусь о вас. Скоро мне дадут военное звание (думаю, надо бы шпалы три);